

Языкъ рукописи—славянскій. Есть въ немъ руссизмы; но, сравнительно, ихъ немного, какъ немного и народныхъ выраженій; книжная рѣчь преобладаетъ. Во многихъ мѣстахъ фразы, выраженія и цѣлыя рѣчи заимствованы изъ церковнославянскихъ книгъ. Всего болѣе народныхъ элементовъ въ языкѣ рукописи мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ говоритъ о событіяхъ, касающихся мѣстной курской исторіи, напр., о прихожденіи къ пустыни варваровъ, о пришествіи литовскаго князя, о нашествіи на сію страну гетмановъ и т. п. Напротивъ въ сказаніяхъ общеисторическихъ, каковы: о царѣ Василии Ивановичѣ Шуйскомъ, о началѣ бѣды во всей Россіи, о гладѣ велицѣмъ, и о мору и друг., книжная рѣчь отличается отсутствіемъ народныхъ формъ и оборотовъ. Тоже мы замѣчаемъ и въ молитвенныхъ обращеніяхъ лицъ, упоминаемыхъ въ *Повѣсти*. Тѣмъ не менѣе внимательное чтеніе этого памятника выясняетъ то, что онъ написанъ однимъ авторомъ. Выше мы заключали такъ, выходя изъ разбора основной мысли повѣсти и характера ея развитія, а также цѣльности историческаго повѣствованія; о томъ же свидѣлствуютъ характеристическія свойства и особенности языка, до мельчайшихъ подробностей этимологическихъ, фонетическихъ и даже буквоначертательныхъ.

Повѣсть, разсматриваемая нами, изложена простымъ, удобопонятнымъ, но правильнымъ и живымъ слогомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нелишеннымъ религіозно-поэтического одушевленія и драматизма.

Простота изложенія дѣлаетъ *Повѣсть* необыкновенно вразумительной для чтенія, доступной не для книжныхъ людей только, но и для малообразованныхъ. Если *Повѣсть* передать на современномъ языкѣ, то она